

Архитектура в традиционной культуре: строительство здания, его отделка и обживание, старение и модернизация, сохранение и уничтожение

Бондаренко Игорь Андреевич (Москва). Доктор архитектуры, профессор, академик РААСН. Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (Россия, 129337, Москва, Ярославское шоссе, 26. НИУ МГСУ); Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России») (111024, Москва, ул. Душинская, 9. НИИТИАГ). Эл.почта: igor.bondarenko.54@mail.ru.

Аннотация. Делается попытка соотнести существование произведения архитектуры с жизненными циклами, сопряжёнными с обычаями и ритуалами, присущими традиционной культуре. Мир изменился, но многое в нем остаётся от прошлого и сохраняет свою действенность по инерции до сих пор. Новое строение «рождается» как неполноценное на первых порах и чуждое окружению. Его необходимо оформить, украсить и обжить. Постепенно оно «приживается», «набирает силу», «расцветает». Некоторые архитектурные объекты с годами становятся знаковыми, особо ценными, прославляющими свой город и страну. Им подражают как образцам-«родоначальникам». «Старение» таких зданий затормаживается заботами почитателей. Сакрализация устраняет власть времени. Другой вариант продления жизни здания – его модернизация, «омоложение». Обращение к архаическим воззрениям помогает различать смысл поверхностного поновления, «переодевания» сооружения и его коренной реконструкции, которую можно назвать «перерождением». А то, что отжило свой век, должно «умирать» – рушиться и исчезать с лица земли. Традиция требовала также уничтожать здания, в которых «завелась нечистая сила» и происходят несчастья. Осуществлялось и целенаправленное разрушение завоевателями ключевых построек покорённых народов. Рассмотрение данной темы призвано помочь дифференциации разнокачественных архитектурных составляющих исторической городской среды, что необходимо при её современных преобразованиях.

Ключевые слова: архитектура, культура, традиции, жизненные циклы, совершенствование, модернизация, деструкция

Финансирование. Исследование выполнено за счёт средств государственной программы фундаментальных научных исследований Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 годы) в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2023 год, тема № 1.1.6.1 «Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория».

Для цитирования. Бондаренко И.А. Архитектура в традиционной культуре: строительство здания, его отделка и обживание, старение и модернизация, сохранение и уничтожение // Academia. Архитектура и строительство. – 2023. – № 2. – С. 48–54. doi: 10.22337/2077-9038-2023-2-48-54.

Architecture in Traditional Culture: Building Construction, its Decoration and Habitation, Aging and Modernization, Preservation and Destruction

Bondarenko Igor A. (Moscow). Doctor of Architecture, Professor, Academician of RAACS. National Research Moscow State University of Civil Engineering (Russia, 129337, 26, Yaroslavskoye Shosse, Moscow, Russia. NRU MGSU); the Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (9 Dushinskaya st., Moscow, 111024. NIITIAG). E-mail: igor.bondarenko.54@mail.ru

Abstract. An attempt is made to correlate the existence of a work of architecture with the life cycles associated with the customs and rituals inherent in traditional culture. The world has changed, but much of it remains from the past and retains its effectiveness by inertia to this day. The new structure is "born" as inferior at first and alien to its surroundings. It needs to be formalized, decorated and inhabited. Gradually it "takes root", "gains strength", "blooms". Some architectural sites over the years become iconic, particularly valuable, glorifying their city and country. They are imitated as models – "ancestors". "Aging" of such buildings is inhibited by the concerns of admirers. Sacralization removes the power of time. Another option for prolonging the life of a building is its modernization, "rejuvenation". An appeal to archaic views helps to distinguish the meaning of superficial renovation, "dressing up" of a building and its radical reconstruction that can be called "rebirth". And what has outlived its time should "die" – collapse and disappear from the face of the earth. Tradition also demanded destroying buildings where "unclean powers" and misfortunes occurred. The purposeful destruction by conquerors of key structures of the conquered peoples was also carried out. Consideration of the topic is intended to help differentiate the diverse architectural components of the historical urban environment, which is necessary for its modern transformation.

Keywords: architecture, culture, tradition, life cycles, improvement, modernization, destruction

Funding. The research was carried out with the funds of the state program of the Russian Federation "Scientific and Technological Development of the Russian Federation" for 2021–2030 within the Plan of Fundamental Scientific Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and the Ministry of Construction of Russia for 2023, topic No. 1.1.6.1 "Architectural modernization of the living environment: history and theory".

For citation. Bondarenko Igor A. Architecture in Traditional Culture: Building Construction, its Decoration and Habitation, Aging and Modernization, Preservation and Destruction. In: *Academia. Architecture and construction*, 2023, no. 2. pp. 48–54. doi: 10.22337/2077-9038-2023-2-48-54.

Многие культурные традиции отвергнуты и забыты сегодня, однако они не исчезли совсем и могут изучаться, переосмысливаться и находить отклик в современном архитектурном творчестве. В данной статье делается попытка соотнести возникновение и бытование произведения архитектуры с жизненными циклами, сопровождавшимися в далёком, да и не очень далёком прошлом всевозможными обычаями и ритуалами, присущими традиционной культуре. Это представляется важным для уточнения и обострения нашего восприятия тех индивидуальных, своеобразных качеств, которыми обладала всякая более или менее значимая постройка в былые времена.

Существует обширная научная литература о культурных традициях разных народов мира. Меньше работ обобщающего историко-теоретического характера, но их достаточно для того, чтобы составить представление о самых главных особенностях древнего пантеистического мировоззрения и соответствующего образа жизни [1; 2]. Среди таких особенностей на первый план выходили идеи одушевлённости материальных объектов и цикличности всего происходящего в мире. Эти идеи не были полностью отринуты и тогда, когда широкое распространение получила вера монотеистическая с её приверженностью к креационизму и эсхатологии, когда историческое время стало трактоваться как однонаправленный линейный процесс от сотворения мира до конца света [3, с. 103–166]. Сказанное важно учитывать при знакомстве со многими этнографическими и фольклорными материалами, создающими в совокупности весьма сложную картину цело-

го. Об этом написаны прекрасные книги и статьи, в которых, однако, крайне мало говорится об архитектуре [4; 5]. Имеется, конечно, и специальная литература, рассматривающая архитектуру в системе традиционных народных обычаев и ритуалов [6–11]. Опираясь на неё и привлекая дополнительную разрозненную информацию историко-архитектурного и междисциплинарного характера, хотелось бы высказать определённые догадки и суждения о том, как осмысливалось в прошлом создание, функционирование и уничтожение архитектурного сооружения.

Посильное погружение в культуру и образ мысли традиционного общества позволяет провести параллели между строительством нового здания и появлением на свет ребёнка. Рождение считалось таинством выхода из инобытия некоего неполноценного, незрелого существа, поначалу совсем «дикого», «необузданного», а потому даже опасного для окружающих [5, с. 40–62]. Над ним предстояло совершить целый ряд ритуальных действий, нацеленных на «социализацию», то есть на приспособление к миру людей, на превращение природно-биологического, «бескультурного» создания в «окультуренное» – искусно обработанное, «вышколенное», «отёсанное», как принято говорить в народе.

В сфере строительной деятельности отчётливо проявляется именно такое сознательное, целенаправленное преобразование естественных материалов в послушные элементы искусственной объёмно-пространственной конструкции, населяемой и обживаемой людьми.

Следует обратить внимание на тот факт, что здания возводили всегда из инертных, то есть безжизненных или омертвевших материалов: камня, глины, песка, стволов срубленных деревьев и кустарников, костей и шкур убитых животных. К тому же в их основания закапывали тела принесённых в жертву людей и животных. Вспоминается фольклорный сюжет умерщвления и расчленения героя на части с тем, чтобы в урочный час собрать их, восстановить целостность тела, полив его «мёртвой» или «целящей» водой, а затем оживить – при помощи воды «живой» [12, с. 230–232]. Это не просто сказки-страшилки для детей, это фундаментальная программа уничтожения и возрождения жизни, глубоко укоренённая в ментальности древнего общества. По большому счёту речь шла о воспроизведении мифологического акта формирования мира из туловища и органов приносимого в жертву божественного первопредка. К этому добавлялись представления о сотворении космоса из хаоса путём упорядочения природных стихий [13, с. 389–404]. А также и о гибели творения, возвращении его в расчлнённое, бесструктурное состояние, с тем чтобы приготовить материал для нового этапа жизнестроительной деятельности. Показательна в этом отношении индуистская триада богов: Брахма, Вишну, Шива. Первый из них считался творцом мира, второй – хранителем, третий – разрушителем.

Ясно, что жизнь начинается с таинства зачатия, приготовление пищи – с замешивания теста, заваривания каши и т.п., а строительство – с расчистки места, рытья земли, заготовки материалов. Хотя на самом деле всё начинается раньше – с бестелесного замысла. Ребёнок «проектируется» в ритуале бракосочетания, а потом он потихонечку, с Божьей помощью, формируется, «овеществляется» и появляется на свет. Причём, согласно традиции, рожать его надо было вне дома, в укромном месте, считавшемся к тому же «нечистым» (в бане, овине, хлеву). Дело в том, что и мать, и ребёнок первое время вызывали опасения у окружающих как существа, причастные к «потустороннему».

Когда новорождённого приносили домой, бабка-повитуха своими руками подправляла ему форму головы, разминала тело, обмеряла, обмывала, укладывала в печку для ритуального «допекания» или «перепекания», чтобы был здоровее. Существенное значение имел акт пеленания младенца, переключившийся с заворачиванием в саван мертвеца. И только после крещения и наделения именем собственным дитя превращалось из абстрактного «Богдана» (Божьего дара), а то и «маняка» (призрака, привидения) или «беса», как его поначалу могли называть, в маленького человека [5, с. 41]. Ему ещё предстояло научиться ходить, смотреть, слушать, говорить, одеваться и вести себя по-людски. Чтобы стать полноправным членом семьи и общества, подростку надо было пройти целый ряд «перерождений», важнейшие из которых принято называть инициациями. Особую роль играли свадебные ритуалы, обозначавшие расставание жениха и невесты с юностью и превращение их во взрослых людей – мужа и жену.

Материал, собранный этнографами и фольклористами, позволяет проследить, как менялись манеры поведения и облик чело-

века при обретении им всё более высокого социального статуса, вплоть до старейшины, главы рода и племени, а потом – при переходе его в состояние дряхлеющего старика, деда, освобождающегося от дел и, наконец, – в покидающего этот мир покойника.

Все вполне естественные этапы жизни непременно обставлялись ритуалами, создававшими ясную систему культурных кодов и правил этикета [14]. Архитектура, безусловно, встраивалась в эту систему и играла в ней важнейшую роль.

Новое строение всегда «рождалось» как нечто грубое, неухоженное, неизведанное и чуждое окружению. Сама стройплощадка – участок грязный, выпадающий из обжитого пространства (вспомним, что детей рожали в местах «нечистых»). В старину рабочих на стройке, как и прочих мастеровых, побаивались и старались задобрить – из-за посвящённости в тайные знания [15, с. 113–117].

Остов здания поначалу не имел ни окон, ни дверей и пугал своей «слепотой», «немотой», «оголённостью». То, что возведено «вчерне», необходимо было отделать «начисто», благоустроить вместе с прилегающей территорией, «убрать», «образить», говоря по-народному, что означает наделить образом, устраняющим «без-образие».

Есть ещё и такие профессиональные понятия, как построить или сколотить строение «намертво» (ср. сращивание частей тела «мёртвой» водой), а потом при помощи специальных художественных приёмов и обрядового «обмывания» – «оживить» его, «вложить в него душу». Как не вспомнить тут мифы о сотворении первых людей из земного «праха», с последующим «вдыханием» в них жизни?

Строительные материалы в возводимом здании получали своё «второе рождение» и наделялись новыми функциями от зодчего, подражавшего Творцу. Согласно пантеистическому мировосприятию, одушевляемые камни, брёвна и доски становились даже благодарны своему новому хозяину за возложенную на них работу, хотя могли и выходить из повиновения, если к ним плохо относились. Вот один маленький пример из сказки «Баба-яга»: «Ворота говорят: Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она [девочка] нам маслица подлила» [12, с. 113].

Такое отношение к «телу» здания усматривается и в древнерусских миниатюрах, выполненных в так называемом «зверином стиле». Глядя на них, зримо представляешь себе некие зооморфные силы, которые тесно переплетены и закованы в архитектурную оболочку. Кстати, в сложных, иногда «нелинейных» современных расчётах сопротивления материалов и статике сооружений можно видеть похожие хитросплетения взаимосвязанных и уравновешивающих друг друга динамических усилий.

В своё время заселение и обживание нового дома производилось с большим вниманием к деталям и осмотрительностью, ибо людям были важны малейшие проявления воли незримых сил, малейшие знаки, указывающие на грядущее благополучие или неблагополучие. Вслед за А.К. Байбуриным можно сказать, что переселение было сопоставимо с родильной обрядностью, в которой «очеловечение» завершалось «оживлением» (со-

единением тела с душой) и наделением жизненной силой [5, с. 169]. При этом дома, а также и новые поселения считались полностью обжитыми только после свадьбы или похорон одного из жителей и появления первой могилы: «Дом обмывается свадьбой или покойником» [16, 178; 17, с. 31].

Из прежнего жилища в новое переносили кучку сора, которую бросали в красный угол. Обязательно брали с собой и раскалённые угли из старой печи, а также недоваренную кашу или недопечённый пирог – с тем, чтобы доварить и допечь их здесь [5, с. 170–171]. Все это нацеливалось на обеспечение надёжной преемственности в жизни семьи. Новое надо было обязательно соединить со старым. В этом отношении показателен обычай заворачивать младенца в старую, не вполне чистую рубаху отца, и пелёнки изготавливать из поношенной ткани [18, с. 88].

Отсюда вытекает мысль о том, что использование строительных материалов от разбираемых ветхих построек имело не только практический, но и ритуально-магический смысл. Вероятно, и обнаруживаемые в кладках стен некоторых памятников архитектуры могильные плиты свидетельствуют вовсе не о небрежении современников к памяти предков.

Если всё шло хорошо, то здание постепенно «приживалось», «набирало силу» и «расцветало» – заодно с хозяином и хозяйкой, их растущей семьёй и всем домохозяйством. Испокоин веков считалось благом наполнение дома и двора людьми, скотом, всевозможными припасами, дарами, трофеями. И наоборот – убыль, запустение, оскудение указывало на беду [5, с. 157]. В таком ключе понятнее становится смысл выражения «в тесноте, да не в обиде».

Из этого же исходила забота о телесной полноте, дородности взрослых, солидных, полновластных людей, которым должна была быть под стать и одежда, и утварь, и архитектура. Всякий раз по мере роста семьи и хозяйства появлялось желание и возможность что-то подправить и подновить в доме, сделать пристройки и надстройки, добавив резьбу и краски.

Правда, надо учесть, что большие родовые общины давно начали разделяться на малые, то есть с их ростом происходило отпочкование и отселение молодых семейств. Отчий дом тем самым обеднялся, опустевал. Не потому ли, согласно правилам «минората», он доставался в наследство младшему из сыновей? Однако в Средние века утвердился «майорат», в соответствии с которым на смену отцу стал приходиться старший сын. Как бы то ни было, именно отчий дом служил «родовым гнездом» и почитаемым достойным образцом для подражания, хотя подражание это никогда не было буквальным. Можно сказать, что архитектура следовала за логикой разрастания генеалогического древа человека: его каждая ветвь должна была отвечать общему правилу, но обладать при этом индивидуальным лицом и именем собственным.

Весьма знаменательны архитектурные инициативы князей и царей. Приходя к власти, они почти всегда затевали новое строительство. Видимо, им надлежало обозначать таким образом каждую историческую веху. Нередко они создавали

резиденции на новых местах, а то и переносили сами столичные города. Перестраивались и перелицовывались ими и дворцы предков.

В такой традиции усматривается связь с идеей циклического омоложения человеческого рода. На память приходит знаменитый сказочный сюжет: Иван-царевич выскакивает из чана с кипящей водой (или молоком) добрым молодцем, а старый царь в том же чане предсказуемо гибнет [12, с. 152, 237]. Смысл этого сюжета состоит в том, что принесение в жертву отжившего свой век человека даёт энергию жизни молодому при установлении прямой преемственности между ними. Вспомним старую французскую сентенцию: «король умер – да здравствует король!».

Применительно к архитектуре это следует ассоциировать с радикальной перестройкой, модернизацией, сопряжённой с уничтожением ветхого строения под корень, но с переносом его функции и статуса на здание новое, которое должно быть лучше прежнего.

В этой связи надо обратить внимание на дошедшие до нас традиционные суждения о том, что у домов есть свой срок жизни – свой «век», по истечении которого настает пора строить новые [19, с. 171]. Необязательно их уничтожать совсем: можно перебрать камни и брёвна, обновив только сгнившие, но важно перенести дома на новые места или хотя бы немного сдвинуть, чтобы оторвать от прежних оснований [5, с. 155]. Возможно, именно этой потребностью в перерождении старых зданий объясняются часто обнаруживаемые археологами большие и малые подвижки их плановых очертаний. Известны случаи и сохранения древних стен под многослойными напластованиями. Передвинуть каменные фундаменты бывало слишком трудно, но всегда имелась возможность перестроить верхние ярусы, а главное – переосвятить место для возвращения ему чистоты и придания новой жизненной силы.

Но некоторые здания, старея, попадали в разряд особо почитаемых и нерушимых. Так, и уникальные камни, и деревья наделялись, порой, статусом священных [20, с. 437–445; 15, с. 166–175]. Кстати, в этнографических материалах встречается запрет рубить старые деревья, мотивируемый тем, что они заслужили «право на ветровал, то есть на естественную, стихийную смерть» [15, с. 169].

Мы подошли к теме наделения наиболее значимых архитектурных объектов статусом памятников, прославляющих свой город и страну. Старение таких сооружений затормаживалось и останавливалось стараниями почитателей. Прежде всего это относилось, конечно же, к храмам, по самой своей сакральной сущности противостоящим власти времени. Правда, здания храмов не только поддерживались веками, «музеефицировались», говоря современным языком, но и ветшали, и перестраивались, да ещё как!

В «Домострое» содержится поучение о том, как надо заботиться о чистоте и порядке в жилище, чтобы оно пребывало «всегда внове» и походило тем самым на рай [21, с. 68, 80]. Верующих непременно влекла к себе тема вечной молодости,

нетленности святых мощей, благодатного «обожения» материальных тел [22, с. 113, 114, 118–121]. Они не могли не соотносить свои лучшие постройки с апокалипсическим образом Нового Иерусалима, сходящего «от Бога с неба» и приготовленного «как невеста, украшенная для мужа своего» [Откр. 21:2].

Вместе с тем, они очень боялись волшебных иллюзий, происходящих от лукавого. Вспомним прекрасных девушек, которые на поверку оказывались оборотнями и старыми ведьмами. Долгожителей зачастую считали вовсе не святыми, а наоборот, заклятыми, «заедающими чужой век» и никак не умирающими потому, что их не хочет принимать земля [5, с. 102–103]. Другое дело – сохранение, мумификация тел умерших и увековечение их памяти в мемориальных сооружениях. Впрочем, нельзя забывать и о намеренном расчленении тел, смешении костей разных покойников, а также о ритуальных ограблениях, разрушениях, сжиганиях гробниц по истечении определённого времени после совершения всех прощальных обрядов – во имя окончательного отмежевания мира живых от мира мёртвых [23, с. 319–320].

Ясно, что даёт приложение такого образа мыслей к архитектуре. Наши сегодняшние блистающие новизной сооружения, безусловно, претендуют на попадание в разряд чудесных видений, настораживших человека традиционной культуры.

Таким образом, существуя в контексте традиционной культуры, архитектура всё время подвергалась более или менее заметным изменениям и поновлениям, отвечавшим повышению или понижению её иерархического статуса и сменяющимся временным циклам, которые были очень разными по длительности и значимости. Отсюда происходили и разные масштабы архитектурных преобразований – от поверхностных «перелицовок» и «переодеваний» до коренных, радикальных реконструкций и замещений старого совершенно новым. Но сама логика циклической смены состояний природы, человека и окружающей его архитектурной среды создавала ощущение связности всех жизненных процессов, ибо люди видели принципиальное сходство между любыми моментами перемен, в которые так или иначе происходило или хотя бы подразумевалось, отображаясь в ритуале, отмирание старого во имя зарождения нового. Появление нового всегда настораживало, но бывало и желаемым, и предсказуемым, если только не происходило бедствий и трагических ломок культурных традиций.

Под конец надо затронуть именно эту тему – нарочитой ломки традиций, нарушения преемственности, насильственного прерывания нити жизни и людей, и зданий, и поселений. Такое происходило при вражеских нашествиях, когда завоеватели специально сокрушали главные архитектурные сооружения покорённых народов, дабы установить свою власть на чужой земле. Руинирование зданий и городов происходило и по причине стихийных бедствий, воспринимавшихся как Божья кара.

Но бывали случаи, когда жители собственноручно уничтожали дома, в которых, по общему мнению, завелась «чертовщина». Ещё сравнительно недавно в сёлах и городах можно было встретить выпадающие из контекста здания, подозрительно запустев-

шие, с закрытыми ставнями и забытыми крест на крест окнами [15, с. 115]. Люди старались обходить их стороной. Ведь дом без окон и дверей считался обителью мертвеца – подобием гроба [24, с. 47]. Также все чурались стоявших обычно на отшибе домов колдунов. Об этом сохранились свидетельства этнографов.

Яркий пример борьбы с «нечистой силой» в архитектуре даёт упомянутое в источниках разрушение Лжедмитрием деревянного дворца Бориса Годунова, как «вертепа злого чародейства». Примерно на том же месте – на вершине каменного кремлёвского Взмурба, обращённого к Москве-реке, – новый царь построил свои деревянные хоромы, которые, по словам очевидцев, были великолепны, однако, счастья своему владельцу не принесли: вскоре его убили и именно здесь. Самозванец тоже был обвинён в чародействе, а труп его предан всенародному поруганию. О многом говорит то, что современники прозвали эти хоромы «блудническими» [25, с. 612–613]. Впоследствии вместо построек на этом осквернённом месте разбили так называемый Набережный сад с прудами.

* * *

Вышеизложенное должно помочь нам научиться дифференцировать разновременные и разнокачественные элементы городской среды ради лучшего сохранения её историко-культурных и художественных ценностей в процессе неизбежно происходящей модернизации. Нехорошо, противоестественно выглядят прожившие долгую жизнь выдающиеся памятники, сияющие после реставрации, как новенькие, да ещё и наравне с бестактно заигрывающим с ними незрелым и зачастую недостойным окружением. Важны всё же напластования веков, патина времени, определённое дистанцирование между зданиями разного статуса и возраста. Не надо останавливать мгновение и приводить историческую застройку в окончательное сложившееся состояние.

Современному архитектурному проектированию пришло время вернуться к в великому профессиональному наследию зодчества. В самом деле, архитектура последних столетий слишком многое потеряла от обрыва связей с вековыми культурными традициями. Достаточно перечислить только некоторые типичные для неё черты: геометрическая жёсткость и точность всех линий, не оставляющих никаких следов «дыхания жизни», столь существенных для традиционного зодчества; нарочитая стилистическая новизна, отрицающая историческую преемственность; однозначность детально разработанных проектных решений, принимаемых раз навсегда и, по идее, не допускающих изменений в ходе эксплуатации зданий. Это ни что иное, как отказ от включения архитектуры в естественные жизненные циклы и отмежевание её тем самым и от природы, и от человека. Многие строительные корпуса своей бездушной механистичностью производят сегодня гнетущее впечатление, однако борьба с ними практически невозможна. Люди обречены жить в чуждой им жёсткой и агрессивной среде.

Мечта всех архитекторов – остановить мгновение, достичь абсолютной гармонии. Как-будто мы сейчас подошли к концу

времён и взялись преобразовать мир собственными руками. Убеждён, что надо быть скромнее. А для этого стоит пристальнее изучать историю архитектуры и градостроительного искусства, преисполненную прекрасных примеров воплощения совершенно других – поистине живительных принципов и приёмов градо- и средоформирования.

Список источников

1. *Леви-Строс, К.* Первобытное мышление / К. Леви-Строс ; Пер., вступ.ст. и прим. А.Б. Островского. – Москва : Республика, 1994. – Текст : непосредственный.
2. *Топоров, В.Н.* Первобытные представления о мире (общий взгляд) / В.Н. Топоров. – Текст : непосредственный // Очерки истории естественнонаучных взглядов в древности. – Москва : Наука, 1982. – С. 8–41.
3. *Гуревич, А.Я.* Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич ; 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Искусство, 1984. – 350 с. – Текст : непосредственный.
4. *Афанасьев, А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу : опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – Москва : Современный писатель, 1995. – Текст : непосредственный.
5. *Байбурин, А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 237 с. – Текст : непосредственный.
6. *Байбурин, А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурин. – Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1983. – 191 с. – Текст : непосредственный.
7. *Дыминский, А.И.* Суеверные обряды при постройке дома в Каменец-Подольской губ. / А.И. Дыминский. – Текст : непосредственный // Этнографический сборник Императорского Русского географического общества. – Санкт-Петербург, 1864. – Вып. 6.
8. *Есаулов, Г.В.* Синхронно-иконологический подход как основа персонального освоения творческих традиций в архитектуре / Г.В. Есаулов. – Текст : непосредственный // Архитектура мира. – 1995. – Вып. 4: Личность в истории архитектуры / ред.-сост. Н.И. Смолина. – Москва : Architectura, 1995. – С. 165–168.
9. *Иванов, П.* Народные обычаи, поверья, приметы, пословицы и загадки, относящиеся к малорусской хате / П. Иванов. – Текст : непосредственный // Харьковский сборник. – 1883. – Вып. 3, отд. 2.
10. *Орфинский, В.П.* Христианство, язычество, этнические контакты (на примере народного деревянного зодчества) / В.П. Орфинский. – Петрозаводск : РИО Карельского НУ РАН, 1992. – Текст : непосредственный.
11. *Орфинский, В.П.* Традиционный карельский дом / В.П. Орфинский, И.Е. Гришина. – Петрозаводск : ПетрГУ, 2009. – 478 с. – Текст : непосредственный.
12. *Афанасьев, А.Н.* Народные русские сказки : В трёх книгах : Книга I. – Москва : Московские новости, 1992. – 240 с. – Текст : непосредственный.

13. *Топоров, В.Н.* Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы / В.Н. Топоров : В 2 томах : Том 2 / В.Н. Топоров. – Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 495 с. – Текст – непосредственный.

14. *Байбурин, А.К.* У истоков этикета. Этнографические очерки / А.К. Байбурин, А.Л. Топорков ; отв.ред. Б.Н. Путилов ; Изд. 2-е. – Москва : ЛЕНАНД, 2019. – 168 с. – Текст : непосредственный.

15. *Максимов, С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила / С.В. Максимов. – Москва : Книга, 1989. – 176 с. – Текст : непосредственный.

16. *Завойко Г.К.* Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии / Г.К. Завойко. – Текст : непосредственный // Этнографическое обозрение. – 1914. – № 3-4.

17. Северные предания : Беломор.-Обонеж. регион / Подгот. Н.А. Криничная. – Ленинград : Наука, Ленингр. отделение, 1978. – 254 с. – Текст : непосредственный.

18. *Сумцов, Н.Ф.* О славянских народных воззрениях на новорождённого ребёнка / Н.Ф. Сумцов. – Текст : непосредственный // Журнал Министерства народного просвещения. – 1880. – Ноябрь. – С. 68–94.

19. *Кравченко, В.* Вогонь (матеріал, зібраний на Правобережжі) / В. Кравченко. – Текст : непосредственный // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. – 1927. – Вып. 1/3.

20. *Штернберг, Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции / Л.Я. Штернберг. ; сост. С.А. Ратнер-Штернберг ; под ред. Я.П. Алькора ; Изд. 3-е.. – Москва : ЛЕНАНД, 2018. – 592 с. – Текст : непосредственный

21. Домострой / Сост., вступ.ст., пер. и коммент. В.В. Колесова. – Москва : Сов. Россия, 1990. – 303 с. – Текст : непосредственный.

22. *Живов, В.М.* «Мистагогия» Максима Исповедника и развитие византийской теории образа / В.М. Живов. – Текст : непосредственный // Художественный язык Средневековья / Отв.ред. В.А.Карпушин. – Москва : Наука, 1982. – С. 108–127.

23. *Байтенов, Э.М.* Дизайн: прошлое, настоящее, горизонты / Э.М. Байтенов. – DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.023. – Текст : электронный // Искусство Евразии. – 2019. – № 3 (14). – С. 317–335. – URL: <https://readymag.com/u50070366/1483113/33/> (дата обращения 02.05.2023).

24. *Цивьян, Т.В.* К семантике «дома» в балканских загадках / Т.В. Цивьян. – Текст : непосредственный // Материалы симпозиума по вторичным моделирующим системам I. (5). – Тарту, 1974.

25. *Забелин, И.Е.* История города Москвы / И.Е. Забелин. – Москва : Столица, 1990. – 688 с. – Текст : непосредственный. 688 с.

References

1. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie [Primitive Thinking], Translation, introductory article and approx. A.B. Ostrovsky. Moscow, Respublika Publ., 1994. (In Russ.)

2. Toporov V.N. Pervobytnye predstavleniya o mire (obshchii vzglyad) [Primitive Ideas about the World (General View)]. In: *Ocherki istorii estestvennonauchnykh vzglyadov v drevnosti* [Essays on the History of Natural Science Views in Antiquity]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 8–41. (In Russ.)
3. Gurevich A.Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of Medieval Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984, 350 p. (In Russ.)
4. Afanas'ev A.N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu : opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanii i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov [Poetic Views of the Slavs on Nature: an Experience of a Comparative Study of Slavic Traditions and Beliefs in Connection with the Mythical Tales of Other Kindred Peoples], in 3 volumes. Moscow, Sovremennyyi pisatel' Publ., 1995. (In Russ.)
5. Baiburin A.K. Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticeskii analiz vostochnoslavyskikh obryadov [Ritual in Traditional Culture. Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, 237 p. (In Russ.)
6. Baiburin A.K. Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in the Rituals and Ideas of the Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka, Leningrad branch Publ., 1983, 191 p. (In Russ.)
7. Dyminskii A.I. Suevernye obryady pri postroike doma v Kamenets-Podol'skoi gub. [Superstitious Rituals during the Construction of a House in the Kamenetz-Podolsk Province]. In: *Etnograficheskii sbornik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Ethnographic Collection of the Imperial Russian Geographical Society]. St. Petersburg, 1864, Iss. 6. (In Russ.)
8. Esaulov G.V. Sinkhronno-ikonologicheskii podkhod kak osnova personal'nogo osvoeniya tvorcheskikh traditsiy v arkhitekture [Synchronous-Iconological Approach as the Basis of Personal Development of Creative Traditions in Architecture]. In: *Arkhitektura mira* [Architecture of the World], 1995, Iss. 4: Lichnost' v istorii arkhitektury [Personality in the History of Architecture]. Moscow, Architectura Publ., 1995, pp.165–168. (In Russ.)
9. Ivanov P. Narodnye obychai, pover'ya, primety, poslovitsy i zagadki, odnosyashchiesya k malorusskoi khate [Folk Customs, Beliefs, Signs, Proverbs and Riddles Related to the Little Russian Hut]. In: *Khar'kovskii sbornik* [Kharkov Collection], 1883, Iss. 3, part 2. (In Russ.)
10. Orfinskii V.P. Khristianstvo, yazychestvo, etnicheskii kontakty (na primere narodnogo derevyannogo zodchestva) [Christianity, Paganism, Ethnic Contacts (on the Example of Folk Wooden Architecture)]. Petrozavodsk, RIO Karel'skii NU RAN Publ., 1992. (In Russ.)
11. Orfinskii V.P., Grishina I.E. Traditsionnyi karel'skii dom [Traditional Karelian House]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2009, 478 p. (In Russ.)
12. Afanas'ev A.N. Narodnye russkie skazki [Russian Folk Tales], in three books, Book I. Moscow, Moskovskie novosti Publ., 1992. (In Russ.)
13. Toporov V.N. Mirovye derevo: Universal'nye znakovye komplekсы [World Tree: Universal Sign Complexes], in two volumes, Vol. 2. Moscow, "Manuscripts of Ancient Rus" Publ., 2010, 495 z. (In Russ.)
14. Baiburin A.K., Toporkov A.L. U istokov etiketa. Etnograficheskie ocherki [At the Origins of Etiquette], B.N. Putilov (ed.). Moscow, LENAND, 2019, 168 p. (In Russ.)
15. Maksimov S.V. Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila [Unclean, Unknown and Cross Power]. Moscow, Kniga, 1989. (In Russ.)
16. Zavoiko G.K. Verovaniya, obryady i obychai velikorossov Vladimirskoi gubernii [Beliefs, Rituals and Customs of the Great Russians of the Vladimir Province]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1914, no. 3-4. (In Russ.)
17. Krinichnaya N.A. (prepared on). Severnye predaniya: Belomor.-Obonezh. region [Northern Legends: White Sea-Obonezh region]. Leningrad, Nauka, Leningrad branch Publ., 1978, 254 p. (In Russ.)
18. Sumtsov N.F. O slavyanskikh narodnykh vozzreniyakh na novorozhdenno rebenka [About Slavic Folk Views on a Newborn Child]. In: *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education], 1880, November, pp. 68–94. (In Russ.)
19. Kravchenko V. Vogon' (materiyal, zibraniys na Pravoberezhzhi) [Fire (materials gathered on the Right Bank)]. In: *Pervisne gromadyanstvo ta iogo perezhitki na Ukraini* [Primitive Citizenship and its Remnants in Ukraine], 1927, Iss. 1/3. (In Ukr.)
20. Shternberg L.Ya. Pervobytnaya religiya v svete etnografii: Issledovaniya, stat'i, leksii [Primitive Religion according to Ethnography: Research, Articles, Lectures]. Moscow, LENAND Publ., 2018. (In Russ.)
21. Kolesova V.V. (Comp, introductory article, trans. and comment). Domostroï. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1990, 303 p. (In Russ.)
22. Zhivov V.M. «Mistagogiya» Maksima Ispovednika i razvitie vizantiiskoi teorii obraza ["Mystagogy" by Maximus the Confessor and the Development of the Byzantine Theory of the Image]. In Karpushin V.A. (ch.ed.): *Khudozhestvennyi yazyk Srednevekov'ya* [Artistic Language of the Middle Ages]. Moscow, Nauka, 1982, pp. 108–127. (In Russ.)
23. Baitenov E.M. Dizain: proshloe, nastoyashchee, gorizonty [Design: past, present, horizons], DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.023. In: *Iskusstvo Evrazii* [Art of Eurasia], 2019, no. 3 (14), pp. 317–335. URL: <https://readymag.com/u50070366/1483113/33/> (Accessed 05/02/2023). (In Russ.)
24. Tsiv'yan T.V. K semantike «doma» v balkanskikh zagadkakh [On the Semantics of "Home" in the Balkan Riddles]. In: *Materialy simpoziuma po vtorichnym modeliruyushchim sistemam I. (5)* [Proceedings of the Symposium on Secondary Modeling Systems I. (5)]. Tartu, 1974. (In Russ.)
25. Zabelin I.E. Istoriya goroda Moskvy [History of the City of Moscow]. Moscow, Stolitsa Publ., 1990, 688 p. (In Russ.)